

Двух дней для девок мало

Зачем вы играли?! В такой категоричной форме мне неоднократно задавался вопрос о сыгранной мною в фильме «Солдаты свободы» роли Л. И. Брежнева. А то и похлеще спрашивали: «Как вас угораздило это играть?»

Зрителей я понимаю. Они составили, исходя из предыдущих моих работ, своеобразный, как теперь принято говорить, имидж актера Матвеева. Но вот когда критики, журналисты начинают заниматься обыкновенной, нет, не обыкновенной, а подленькой травлей, походя рассыпают колочки, ехидные подковырки, — остается только диву даваться.

К примеру, в одном из первых изданий Энциклопедического словаря сообщалось, что Матвеев Е. С. сыграл роль Леонида Ильича Брежнева в фильме «Освобождение» и... все. Вся моя предыдущая творческая жизнь сведена была лишь к этой эпизодической роли.

Единственное, что давало мне силы не принимать близко к сердцу этот сознательный выпад — некомпетентность автора статейки. Он называет фильм «Освобождение», но там нет роли Брежнева, следовательно, я не мог ее сыграть в той киноопеке.

Так зачем же я играл Брежнева? Как это случилось?

Стоял я как-то в очереди в мосфильмовском буфете. Подошел ко мне режиссер Юрий Озеров и, положив руку на мое плечо, отвел в сторону.

— Поздравляю! — тихо сказал он.

— С чем? — удивился я.

— Ты утвержден на роль Леонида Ильича в моем фильме...

— ?!

Он приложил палец к губам и сказал еще тише:

— Но пока — ни-ни!..

Юрий Николаевич быстро вышел из буфета, оставив меня, порядком ошарашенного, размышлять. Вопросы возникали — один острее другого, а ответ напрашивался один: розыгрыш... Нелепость какая-то... Впрочем, Озеров, овеянный тогда славой «Освобождения», фильма, удостоенного Ленинской премии и громко прошедшего по экранам мира, вряд ли способен на такие шутки.

Я не мог успокоиться. Обдумывал, что меня ждет. Отказаться — нельзя, сыграю — меня же потом будет лгать каждый, кому не лень: обвинять в том, что я «обслуживаю» Кремль. Кривотолков будет — хоть отбавляй... Надо было найти убедительные аргументы для красивого отказа от роли. Пришел к генеральному директору «Мосфильма» Н. Т. Сизову, человеку мудрому:

— Нельзя мне эту роль играть. Я и ростом, извините, длиннее, и возрастом постарше прототипа, — выпалил я неопровержимые, как мне казалось, доказательства.

— А играть надо, Женя!

— Да и что я знаю о нем? Заглянул в энциклопедию: кроме дат и должностей, там ничего нет.

— Он почти каждый день по телевидению выступает. Наблюдай.

— И что, кроме того, что он по бумажке читает, я там увижу?

Сизов, всегда сдержанный, ровный, вдруг повысил голос:

— Съемки «Солдат свободы» — решение секретариата ЦК! Ты — народный артист СССР! Все, Женя!

Вскоре помощник председателя Госкино СССР Ф. Т. Ермаш сообщил, что шеф приглашает меня на беседу.

Филипп Тимофеевич встретил, смеясь:

— Слух дошел, что Матвеев срейфил?

— Тот случай, когда в слухах есть большая доля правды.

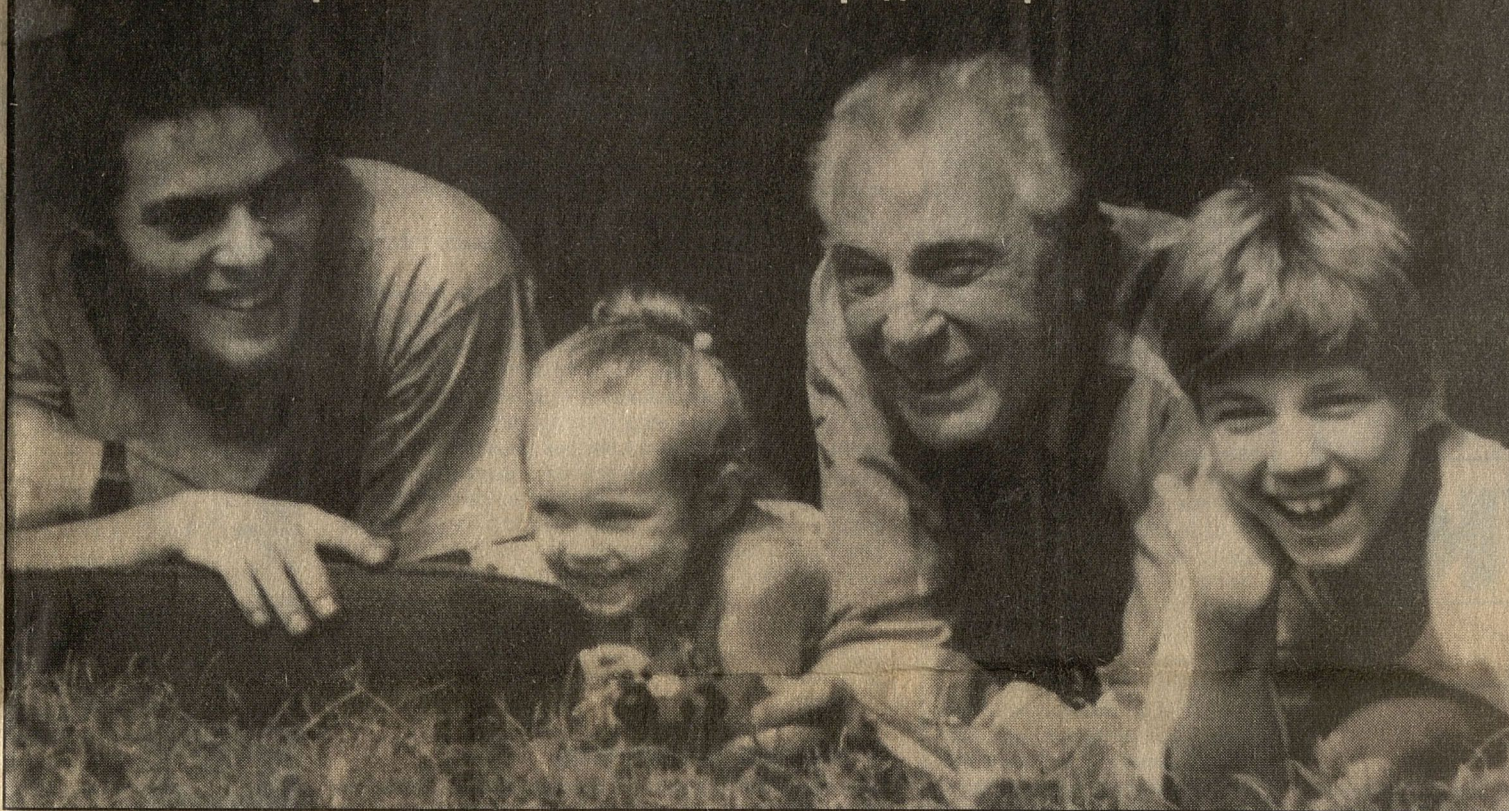
Ермаш подошел к рабочему столу, стал набирать телефонный номер. Заговорил.

— Привет!.. Слушай, у меня сейчас Евгений Матвеев. Нервничает

Евгений МАТВЕЕВ

"А ТЕПЕРЬ — ПЛЯШИ!"

Брежнев и Сталин глазами народного артиста СССР

Евгений Матвеев с внуками.

мужик... Не мог бы ты его принять, поговорить?... Он долго слушал, что ему отвечали в трубке. Потом: — Спасибо, Женя, тезка будет у тебя. — И ко мне:

— Запомни, Евгений Матвеевич Самотейкин. Это помощник Леонида Ильича. Он позвонит тебе. Там задавай любые вопросы. И, пожалуйста, сам не ной и на нас тоску не наводи. Помни — это госказак. И еще: актеров на эти роли утверждал лично Михаил Андреевич Суслов.

Ждать приглашения в здание ЦК пришлось недолго.

Евгений Матвеевич, милый, обаятельный человек, принял меня приветливо.

— Что мучает вас? Чем могу быть полезен?

— Если бы мне довелось играть большую роль, — признался я, — то распределил бы черты характера, привычки, эмоциональные особенности своего персонажа по длине роли. Тогда можно было бы надеяться на получение объемного, многогранного образа. А в данном случае — роль эпизодическая. Стало быть, как мы, актеры, говорим, надо попасть в десятку. То есть выявить в персонаже главную особенность его характера и наиболее ярко воплотить ее. Так вот, каким прилагательным вы определите Леонида Ильича?

Евгений Матвеевич ответил не задумываясь:

— Добрый! Поверьте, очень добрый человек. Это и есть главная черта его характера.

— Но как, в чем проявляется его доброта? — попытывался я.

— Пожалуй, в сентиментальности, острой чувствительности.

Я вспомнил эпизод из одного телерепортажа. Тогда Брежнев приехал на Малую Землю и с гурьбой сопровождавших его лиц подошел к колодезю. Внимательно взглянув на него, сказал: «Помню, здесь во время войны меня поила из ведра девушка». Кто-то из челяди обратил внимание вождя: «Вот эта девушка, Леонид Ильич!» Брежнев, посмотрев на седую женщину, резко отвернулся от кинокамеры... Но слезы в его глазах все же можно было заметить...

Самотейкин рассказал, как Леонид Ильич безотказно помогал своим знакомым, сослужив-

цам, как болезненно переживал смерть соратников.

...Так по крупицам, по крохам собирал я «досье» на человека, которого мне предстояло воплотить, пусть и в эпизодической роли, на экране.

Директор одного из творческих объединений «Мосфильма» Агеев, узнав о моих терзаниях, сказал однажды:

— Слушай, Матвеев, может, я тебе в чем-то помогу. — Он вытащил из портмоне истертый листок пожелтевшей бумаги и, осторожно дотрагиваясь до него, развернул. — Вглядишься!..

В глаза бросилась подпись: «Полковник Л. Брежнев». Агеев заметил мой жадный интерес к документу. Сам оживился и не без гордости повествовал:

— Я служил в Восемнадцатой армии под началом Леонида Ильича. И вот однажды мы пришли с приятелем к начальнику политотдела Брежневу с предложением съездить в Сочи. Он спросил: «Зачем?» Мы, конечно, то да се, мол, надо проверить работу наших госпиталей... «Сколько надо?» — спросил он. Мы говорим: «Ну, два дня». А он: «Для работы двух дней много, а для девок мало. Просите три!»

Агеев, по-мальчишески покраснев, ткнул пальцем в справку:

— Глядите — три! Поверьте, мужик вот такой. — Он поднял большой палец вверх.

Кремлевская шутка с хрустальным рогом

В то время только что вышедшую книгу Александра Чаковского «Победа» ежедневно, по главам, на радио читал Михаил Иванович Царев...

Мне позвонил наш министр Филипп Тимофеевич Ермаш.

— Евгений Семенович, слух прошел, будто ты увлекся романом Чаковского.

— Увлекся — сильно сказано. Но по тем отрывкам, что я слышал, думаю, что материал просится на экран.

— А что если постановку поручим тебе?

...Потом было как в сказке: чем дальше — тем страшнее. Бессонно,

взвешиваясь в романе, я ощущал, как растет во мне возбуждение: то от восторга перед историческим, документальным, поразительно злободневным материалом, то от страха перед масштабом событий, связанных с постановкой фильма. Как вложить 850 страниц романа в два часа экранного времени? Как на этом ограниченном временном отрезке разместить 100 исторических портретных персонажей — это кроме Сталина, Черчилля и Трумэна?

Своей задумкой соединить на одном экране хронику и игровые эпизоды я поделился с Вадимом Труниным, с которым мы начали работать над литературной основой фильма. Вадим, опытный, талантливый драматург, автор сценария знаменитого «Белорусского вокзала», выслушав мои рассуждения о задуманной форме картины, был поражен:

— Это безумие!.. Коктейль! Винегрет!.. На кой черт нам самим лезть в пасть критиков?! — Трунин, человек уравновешенный, вдруг заволновался. — Ты хоть вообще-то отдаешь себе отчет, в какую дьявольщину мы влезли, что на себя взвалили? Я некоторым образом причастен к появлению хрущевских воспоминаний и понимаю политическую атмосферу не совсем так, как Чаковский...

— Например? — вставил я.

— Например, Сталин! С Черчиллем и Трумэном, черт с ними, — разберемся, но Сталин! В романе он благородный миротворец...

— Такого кинематографического Сталина мы уже видели много раз. — Каким же будет вожь в нашем фильме? — вызывал меня на диспут сценарист.

— Разумеется, не милым Бобой! — парировал я.

— Мы связаны историческими фактами, местом действия, конкретным временем, документами... Каким образом ты, режиссер, собираешься показать Сталина в «Победе»?

Вопрос был поставлен, что называлось, ребром. Но он не застал меня врасплох. Эта проблема мучила меня с момента прочтения романа. Мне все чаще приходило в голову знаменитое пушкинское: «Гений и злодейство — две вещи несовместные». И тут же во мне что-то кричало: «Совместные! Совместные!»

В романе, а затем в сценарии меня не удовлетворяло то, что Сталин был везде ровный, спокойный. Мне же хотелось показать его разным, мне нужны были такие эпизоды-раздражители, чтобы можно было увидеть его глаза, рысьи, внимательные, настороженные, чтобы он не выглядел благостным «отцом всех народов», хрестоматийным, каким его изображали в прежних фильмах типа «Падение Берлина».

Я ответил Трунину:

— Есть текст и есть подтекст. Слово «люблю» может прозвучать и как «ненавижу». В нашем случае, к сожалению, текст почти протокольный. Значит, силой актерского искусства, способного выразить глубинный смысл подтекста, мы и будем создавать ха-рак-тер! Характер, максимально приближенный к подлинному Сталину. Он ведь был всякий: и коварный, и ласковый, и жестокий, и тихий, и буйный...

Вадим сидел в раздумье.

Я, чтобы убедить его и перепроверить самого себя, решил рассказать то, о чем мне поведал Александр Борисович Чаковский. Историю, которая, как он меня уверял, была на самом деле, и узнал он ее от самого героя.

— В начале войны, когда немцы уже приближались к Москве, Сталин назначил молодого, тридцатидвухлетнего, мало кому известного инженера Устинова наркомом вооружения! Директора завода — и сразу наркомом, минуя стадию заведующего отделом ЦК или замнаркома... Поступок?

Вадим поднял на меня глаза.

— Факт давно известный. К чему ты это вспомнил?

— А вот к чему. После первого в жизни Устинова совещания у Сталина, которое закончилось в четвертом часу утра, Сталин сказал: «Я никого не приглашаю, но кто желает, может со мной поужинать».

Кто-то из членов Политбюро шепнул Устинову: «Это приказ в вежливой форме».

Кортеж машин направился в Кунцево, на дачу Сталина. Ужин без особенного шика, но с винами, коньяками и прочими кавказскими дарами.

Тут надо учесть одну деталь. Устинов попал на самые «верха», ми-

нуя много служебных ступенек, и, естественно, не мог знать некоторых неписанных правил игры, «придворных» законов. Например, если ты начинал говорить в обществе Сталина, а вожь в это время произнес слово, то ты должен сразу замолчать.

За столом уже шла подогретая вином беседа. Разговаривали одновременно почти все. Сталин молчал, пощипывал пахучую зелень. Устинов что-то говорил Ворошилову и, не услышав голоса Сталина, который произнес: «Я думаю...», продолжал свою мысль. Вдруг гул, стоявший в столовой, резко оборвался, словно отключился невидимым рубильником. И все напряглись, глядя в сторону хозяина. Устинов понял: что-то произошло, но что?

Сталин наливал в бокал вино. Присутствующие смотрели то на вожь, то на молодого наркома: ждали, как прореагирует Сталин.

«Ну, Устинов, держись!» — произнес кто-то осторожно. А Микоян, чтобы подчеркнуть неловкость молодого наркома, встал, наполнил вином большой, литровый хрустальный рог и сказал: «Молодой человек, вам самое время выпить за здоровье товарища Сталина».

И передал Устинову сосуд. Тот тоже встал — рог положено принимать стоя. И следует выпить до капли — рог ведь не поставишь на стол, а если положишь, из него выльется остаток вина. Позор, конфуз.

Надо представить себе тогдашнее состояние молодого мужчины. Он понял, что сделал что-то не то, а что именно? Почему он стал предметом общего внимания? И потом, как выпить целый литр вина на глазах Сталина? Что он подумает? Что ты алкоголик, гуляка? Кроме того, от такого количества вина сразу опьянеешь, а как потом вести себя дальше? Как вспоминать Дмитрий Федорович Устинов, «был я, наверное, блее скатерти».

Все ждали, что будет. И вот в этой паузе Сталин тихо встает, подходит к «провинившемуся», берет из его рук рог и передает Микояну: «Анастас, поддержи». Потом наливают две маленькие рюмочки коньяку — одну передает Устинову, второй чокается с ним: «Выпьем за здоровье товарища Сталина»...

Все проворно встали. Хозяин рысью взглядом впцелился в Микояна, чокнулся своей рюмкой и с его рогом. И все время, которое понадобилось Анастасу Ивановичу, чтобы опорожнить сосуд, Сталин не спускал с него глаз: «Эти были страшные глаза», — вспоминал Устинов.

«А теперь пляши!» — вежливо попросил вожь. И даже напел какой-то мотив типа лезгинки...

Под смех и аплодисменты сотоварищей Микоян выкинул пару коленец... Такая кремлевская шутка, страшная шутка...

Вот, собственно, и всё...

Я умолк. Вадим, шлепнув ладонью по столу, сказал:

— Во! — И вскинул большой палец перед моим носом. — Вот это кино! Потрясающий эпизод. Но к чему ты мне про это?

— Мы говорим о характере, о гранях сталинского характера. Вдумайся! По одному этому, по существу, крохотному эпизоду видно, как он гипнотически владеет окружающими людьми.

Он — заботливый отец: выручил попавшего в неловкое положение молодого человека.

Он — деспот: унизил соратника за то, что тот хотел унижить Устинова.

Он — остроумец, шутник, компанейская душа да и только...

И при этом железная воля, специфический юмор, скрытый гнев на поступок Микояна, изощренная месть... Какая задача для режиссера, актера!.. Как такое сыграть?

Из книги «Судьба по-русски», готовящейся в издательстве «Вагриус». С сокращениями. Заголовки даны редакцией.

Матвеев Евгений

45.1.2000